

Когда Папанов был в ударе — работать было невозможно, все останавливалось, все помирали со смеху, мечтая только об одном — чтобы этот праздник не кончался никогда. На съемках «Белорусского вокзала», когда приходилось сидеть в ожидании, пока выйдет солнце или уладится очередная неурядица, случалось, что два великих комика — Папанов и Леонов — вдруг заводились, начинали импровизировать наперебой, сыпать театральными и кинематографическими байками. Осветители, шоферы, гримеры — все сгрудилось вокруг, жадно ловят каждое слово, каждый жест, и попробуй-ка режиссер скомандовать: «По

Праздник никогда не кончался

местам, съемка!». Что это был за концерт! Какая жалость, что все это не снято и не записано!

Валентин Николаевич Плучек рассказывал, что на репетициях пьесы «Родненькие мои» импровизации Папанова буквально выводили из строя партнеров и режиссера, они стонали от хохота. Плучек сетовал, что спектакль смог вместить лишь небольшую часть из целой россыпи блестящих актерских находок Папанова.

При всем при том Папанов не был веселым человеком. За его смехом чудились мне горечь, какое-то невеселое знание о человеке. С какой трагической силой эта сторона его дарования раскрылась в драматических ролях — в его Серпилине, в роли Отца в прекрасном фильме Пронина и Григорьевы «Наш дом»! Как всякий настоящий талант, Папанов глубоко человечен, он жалеет своих героев, но при этом заставляет почувствовать всю несправедливость русской жизни, ее безжалостность к слабому.

Слава пришла к Папанову поздно, когда он был уже зрелым и немолодым. А до этого жизнь его складывалась нелегко.

Он хлебнул фронта, и, насколько я могу судить, опыт, который он вынес с войны, был страшным, отталкивающим. На всю жизнь его поразили бесчеловечность людских отношений в армии, полное бесправие солдата. Театральная судьба Папанова складывалась тяжело, его считали бесперспективным, он запивал, его не раз увольняли. В кино он начал сниматься поздно по актерским меркам. Словом, жизнь он узнал на собственной шкуре, у него были возможности крепко поразмышлять.

Знание человеческой природы, о которой он был, по-моему, невысокого мнения, знание русского человека, лютости жизни, в которой лежачего бьют, да еще как бьют, — составляет, по моему убеждению, философскую сердцевину неповторимого папановского дара. Это знание, эта горечь придают такую глубину абсолютному шедевр актерского искусства Анатолия Дмитриевича — роли отставника, торгующего клубникой, в нестареющем фильме Рязанова «Берегись автомобиля!».

Андрей СМЕРНОВ

Вел. Москва. — 1997. — 18 окт. — с. 4.

Только факты